

*Wer mit Ungeheuern kampf, mag zusehn,
dass er nicht dabei zum Ungeheuer wird**.*

* Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. (*Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла. Перевод Н. Полилова.)

Из докладной записки главы Банка Душ от **..189 г.**
Довожу до Вашего сведения, что поступившие с Окраин новые экземпляры в количестве 15 штук полностью обследованы и переведены в промежуточное отделение.

В результате обследования были получены следующие результаты:

- Состояние душ **удовлетворительное**. Патологии **не выявлены**.
- Типология душ **обыкновенная**.
- По предварительным прогнозам извлечение душ приведет к **удовлетворительной** реакции: мгновенная смерть.
- Склонности к аллергической реакции **не обнаружены**.
- Результаты предварительного согласования с потенциальными реципиентами **удовлетворительные**.

Настоящим подтверждаю, что за экземплярами закрепляется официальный статус доноров. Доноры будут содержаться в промежуточном отделении до окончания Аукциона и подведения итогов торгов.

Прилагаю также оригинал документа, подтверждающий исправность машины по извлечению душ.

- Продолжительность процедуры **стандартная**: 300 секунд.
- Плотность контакта всасывающей трубы с яремной ямкой донора **удовлетворительная**.

- Состояние собирающего кристалла стандартного размера (0,5 × 0,5 × 2 см) **удовлетворительное**.
- Холодильники для душ функционируют **без сбоев**.

Прошу в кратчайшие сроки выслать Ваше согласие на проведение процедуры.

Также напоминаю о необходимости проведения инвентаризации в морге согласно установленному расписанию. Утилизация оболочек задерживается уже на сутки.

Варлам Кисловский,
глава Банка Душ

P.S. Пришлите ящик шоколада. Вы же знаете, я не могу работать, когда сахар понижен. С орешками, пожалуйста.

А если эта дура из морга сейчас же не уберет своих жмуриков, я ее лично в этот чертов мешок засуну.

ВАРЛАМ

*189 г.

— Переделывать! Теперь все придется переделывать!

Тишина и порядок. Такие слова значились на красной табличке. Белые глянцевые буквы требовательно призывали к дисциплине. Таблички висели на входной двери (с внутренней стороны, с наружной тоже) в общем кабинете, у каждого сотрудника над столом, у рабочего стенда, две на заколоченных окнах, в увеличенном формате — у кулера. Варлам запрещал ассистентам шумно клацать по клавиатуре, слишком воодушевленно переговариваться или, что хуже всего, громко хлюпать чаем. Чай на второй этаж четыре раза в день привозила сама заведующая душевной столовой — Ида Плюшка. У Иды не было детей, зато были работники Аукционного Дома, поэтому она по-матерински настойчиво катала тележку с фарфоровым чайником и целой ордой чашечек, приговаривая деловитое «тудым-судым». Чай был заваристый, липовый и кипятильный, вот ассистенты и хлюпали, а Варлам ненавидел и их, и липовый чай, и Иду Плюшку. В не-

чайное время все старались вести себя тихо, чтобы слышалось лишь теплое и приглушенное жужжание компьютеров. Варлам придумал собственный алгоритм неожиданностей — так и выскакивал, неожиданно, из личного кабинета в общий, — и ассистенты волей-неволей за тишиной и порядком присматривали постоянно.

Варлам жил с мыслью, что каждый из его подчиненных мечтает взять и нарушить дисциплину, — отсюда кричащие таблички. На самом деле тишину и порядок нарушал только сам Варлам, ведь из себя он выходил часто и с разбегу. По правилам, инвентаризация в Банке Душ проводилась раз в два месяца. Но Варлам стабильно разбивал о компьютеры и сотрудников клавиатуры, переворачивал столы, а раскрошенных пробирок и капсул хватало на целую инсталляцию в углу лаборатории — в виде сверкающей и царапающейся кучи стекла, — поэтому фактическую инвентаризацию проводили раз в три недели.

Ассистенты в Банке Душ не знали, как работает алгоритм неожиданностей Варлама, но они выучили распорядок перепадов его настроения. Когда близилась доставка новых доноров, Варлам бросал пить лекарства. Говорил, они притупляют сознание, а он решительно (Варлам практически каждое свое действие сопровождал хлестким «решительно») не мог работать в подобном состоянии. Несколько дней медикаментозной трезвости делали его нервным, дерганым. Затем Варлам начинал обследования доноров, подготовку к изъятию душ, проверку холодильника и прочих технических приспособлений. С Умницей-616, которую в безмятежные дни Варлам любил и уважал больше,

чем какое-либо живое существо, он ругался и выяснял отношения. Железная машина, как ей и полагалось, молчала — с неммым укором.

— Нет, я решительно не понимаю, как ты можешь быть такой неисправной душой! — Варлама молчание Умницы-616 бесило еще сильнее.

Сотрудникам он не прощал ни обеденные перемены, ни проволочки, ни «явно подозрительное выражение физиономии». В эти дни, в эти болезненно текущие месяцы перед началом Аукциона угодить Варламу было невозможно. Далее операции, складирование образцов, подготовка душ, торги и сами операции, после чего на Варлама опускался железный занавес затяжной депрессии. В его будни возвращались медикаменты, подгрызало ощущение опустошенности, все повторялось из раза в раз. Вот человек к чему-то стремился, наконец ухватил, а оно оказалось не таким уж триумфальным. После торгов и операций Варлама отправляли в принудительный отпуск, откуда он возвращался покладисто аморфным, и жизнь в Банке Душ возвращалась в более или менее размеренное русло ровно до объявления новой даты Аукциона.

Вот опять Варлам вдруг влетел в общий кабинет в скроенном не по тощей фигуре свободном лиловом костюме, поверх которого был натянута слишком тесный белый халат, потряс увесистой папкой и бросил ее на стол перед Номером 2. Варлам всем ассистентам присвоил номера, удивительно деликатно прикрылся историей о конфиденциальности личных данных и успокоился. Папка разроняла листы, а Варлам вцепился в Номер 2 и принялся тыкать его в опечатки,

как котенка в обоссанные тапки. Стало ясно: день Аукциона уже назначен.

Варлам страшно вращал глазами, которые из-за очков с толстенными линзами казались в два раза больше и в три — безумней, катался от места Номера 2 к рабочему стенду, заваленному бумагами, и истерил. Тик-тук-тук.

Раз. Пощелкал мышкой: клац-клац на экране. Два. Колесики стула вжухнули по полу. Три. Варлам подтянулся к стенду — разглядывать столбцы цифр в папках, целом ворохе папок, невкусно пожевывая губы. Он повторял одну и ту же фразу:

— Переделывать! Теперь все придется переделывать!

Ассистенты сидели строго в числовой последовательности, ждали, когда Варлам объяснит, что пошло не так на этот раз, но он беззастенчиво нарушал предписания красных табличек, цокал языком и похихикивал. Тик-тук-тук. В общем кабинете не было окон. Их замуровали много лет назад, когда здание научного Прогрессивного Центра только-только перешло Аукционному Дому, и с тех пор оно стояло, подпоясанное заколоченными ставнями. На втором этаже искусственный свет отливало голубизной, поэтому и без того бледное лицо Варлама выглядело не живее переработанных оболочек.

— Я решительно не понимаю, что с этим делать! Номер два, скажи, откуда ты взял, что в графе «Аллергические реакции» следует писать, цитирую: «Предположительно арахис, пыль и кошачья шерсть»?! Я просто дал тебе кучу собранных лично мной данных... — Варлам растянуто повторил: — Ли-и-и-ично мно-о-ой.

Значит, данные полностью верны. Всё, что оставалось сделать тебе, — это внести параметры в таблицу. Остальное — дело компьютера. У него мозгов побольше! Лучшие умы Города! Лучшие умы! Смешно, решительно оборжаться.

Тик-тук-тук. Варлам все катался на стуле с колесиками по кабинету, то вращаясь вокруг своей оси, то разгоняясь прямо на скукожившегося Номера 2. Варлам раскидывал длиннющие ноги, как потягивающаяся гуара, отталкивался и бросался вперед. Он шугал ассистентов без разбору, потому что они, лучшие выпускники Городского университета, в глазах Варлама оставались сплошь тупой посредственностью. Все служащие Банка Душ об операциях по пересадке знали необходимый минимум для адекватной работы с материалами. В свое время Н.Ч., душевный первооткрыватель и хозяин Аукционного Дома, выбрал Варлама, чтобы тот возглавил Банк Душ, и посвятил его, единственного, в душевные тонкости и принципы работы Умницы-616, которая до появления Варлама звалась согласно техническому паспорту — Машина-616. Варлам по природе был параноидально подозрителен, из-за чего скромный штат его подчиненных, Номера 1, 2, 3 и 4, знали даже меньше, чем позволял Устав. В перечень несложных, особенно для уровня квалификации подобранных кадров, обязанностей в основном входила систематизация той информации, которую предоставлял им глава Банка, а также изучение подноготной участников предстоящих торгов. С этими задачами действительно мог справиться кто угодно; возможно, по этой причине Варлам и впадал не просто в несдержанную, но в праведную ярость.

Несмотря на уровень его интеллекта, стремящийся к запредельно выдающемуся, простые вещи ускользали от Варлама. Он не догадывался, что заключенные в бессолнечную стерильную голубизну общего кабинета сотрудники оставались людьми. Иногда они подшучивали над деспотичным начальником, гаденько мстили за унижения, старались разнообразить скучные будни, не дотягивающие до их дарований. Поигрывали в карты. Номеру 2 не везло всю предыдущую неделю. За пределами Банка Душ его звали Ирман: каждый День Города он участвовал в подготовке платформ для парада, варил лучший в офисе кофе, не читал новостей и собирался сделать предложение своей девушке. Но здесь он терялся, бледнел, превращался в Номер 2 и сидел, вжавшись в кресло, тупо глядел в угол, чуть повыше кулера.

— Я не слышу осуждения! Что за тупость и бардак в аллергических графах?! — Варлам ткнул пальцем в оставшиеся три Номера. Ему показалось, что лица ассистентов чуть перекошились, будто от судороги или нервного тика. Он прищурился: — Удумали издеваться надо мной? Прямо-таки саботаж, обреченный на провал бунт! — Варлам расхохотался, довольный остроумным замечанием, которое больше никого не рассмешило. Тишина в кабинете переплюнула порядок, осязаемая, она вдруг запахла страхом. Страх, в свою очередь, пах потом сотрудников. Варлам перестал хохотать, потянулся и добавил пренебрежительно: — Номер два, ко мне в кабинет.

Ботинки Варлам носил обязательно на молнии, никаких шнурков, никаких тонких подошв, никаких нечерных цветов. И на полтора размера больше нуж-

ного: когда обувь сидела плотно, Варламу казалось, что стопы сжимают металлические тиски, хотелось вырваться. Великоватые ботинки шлепали по полу, Варлам шел пружинисто, сильно приподнимаясь на мысках. Номер 2 шел следом, по-прежнему сжавшись.

— Улыбайся, Номер два! И садись. Сегодня твой счастливый день. — Варлам неопределенно ткнул пальцем то ли в стол, то ли в кресло, скрестил руки на груди — обнял сам себя — и начал неторопливо мерить шагами периметр кабинета. Тик-тук-тук.

Личный кабинет Варлама сильно отличался от общего. Он был меньше раза в три, с зелеными стенами и желтыми лампами, с мебелью из темного дерева. Сочетание зеленых и коричневых оттенков вкупе с теплым приглушенным светом напоминало о лесе, потому что Варлам где-то вычитал, что прогулки по лесу успокаивают нервы. На настоящие прогулки времени не было, зато по кабинету Варлам нарезал круги постоянно. Здесь и пахло так же, нет, буквально несло хвоей — Варлам распихал ароматизированные палочки по углам. Окон, как и в общем кабинете, не было. У Номера 2 сразу заслезились глаза и потек нос, но он изо всех сил старался не шмыгать.

— Тебе известно, зачем мы проводим оценку души? Кивок.

— Правильно, нам требуется установить ее основные характеристики, чтобы в дальнейшем было проще провести пробы на соответствие с потенциальным реципиентом. Так?

Еще один кивок. Номер 2 задышал тяжело, сдавленно, жидкие сопли забили нос, стекали вниз, и он чувствовал, как они липко ползут к верхней губе.